

Широко привлеченный Е. М. Мелетинским этнокультурный комплекс помогает раскрыть особенности мифологической сказки. Предельно полный объем вариантов мифов-сказок на избранную тему, широко использованный круг этнографических материалов помогают вскрыть древний календарный подтекст некоторых мифологических мотивов, понять ряд «темных» мест в этих мифах.

Конкретный анализ мифов-сказок палеоазиатов дает возможность автору сделать важные выводы о свойствах мифологической фантазии вообще. Анимистическое мироощущение предполагает как следствие «двойную» природу человека, а также представление о столь же всеобщей качественной однородности живого и неживого, макрокосма и микрокосма.

Если Е. М. Мелетинский изучает как частный вопрос «конкретное» и однородное мифологическое пространство в плане раскрытия мифологической фантазии определенных народов, то С. Ю. Неклюдов рассматривает пространственно-временную организацию повествовательного фольклора в плане общей теории. Семантическая структура мифа и фольклорно-логическая структура волшебной сказки близки и легко соотносимы, хотя сказка как жанр сложилась уже после того, как мифический способ мышления перестал быть господствующим. С. Ю. Неклюдов стремится доказать, что для повествовательного фольклора характерно определенное историческое взаимоотношение между содержательным планом мифа и формально-содержательным планом фольклора. «История повествовательного фольклора,— пишет С. Ю. Неклюдов,— характеризуется постоянным переходом элементов из содержательного плана в формальный... При этом уход в план выражения... подчас оказывается фактом сохранения весьма древних смыслов» (стр. 182). Данная закономерность демонстрируется в статье на частном примере соотношения динамических и статистических начал в мифе.

Подмеченная и обоснованная в статье С. Ю. Неклюдова закономерность, на наш взгляд, искусственно ограничена. Традиционное многовековое отставание формы выражения от содержания — это общий для фольклора (в том числе и для поэтических жанров) закон. Мифическое сознание теряет со временем основные элементы содержания, но форма выражения эстетически ценных представлений сохраняется почти нетронутой, она лишь слабо видоизменяется, а потому и живет веками. Готовые устойчивые поэтические формулы вновь осмыслиются и присутствуют в народной поэзии уже для выражения иных чувств, иных настроений.

И. И. Ревзин рассматривает значение основных положений «Морфологии сказки» В. Я. Проппа для общей теории знаковых систем (статья «К общесемиотическому истолкованию трех постулатов Проппа»).

Проблемам типологии, структуры, тематики народных изречений, их взаимоотношениям с различными языковыми и фольклорными формами посвящена статья Г. Л. Пермякова «К вопросу о структуре паремнологического фонда».

В статье «Относительно полисемантической малайскоязычной «Повести о санг Бо-ме» Б. Б. Парникель выясняет многосторонние и разностадийные связи повести с мифологией и их роль в истории произведения.

«Типологические исследования по фольклору» — большая удача современной фольклористики. Работа как нельзя лучше подтверждает слова Б. Н. Путилова о том, что научные идеи, заключенные в трудах В. Я. Проппа, «живая творческая мысль ученого, его понимание фольклора и выработанные им принципы исследования будут сохранять свою плодотворность, и влияние их с годами будет шириться и крепнуть, ибо ученые типа В. Я. Проппа принадлежат столько же настоящему, сколько и будущему науке» (стр. 15).

В. И. Еремينا

НАРОДЫ СССР

Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики (ответственные редакторы В. А. Александров и Н. В. Шлыгина). М., 1975, 239 стр.

В настоящее время в развитии советской этнографии все большую роль играют региональные историко-этнографические атласы,готавливаемые Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР совместно с научными учреждениями союзных республик, ведущими исследовательские работы по этнографии. С составлением одного из таких атласов — атласом народов Прибалтики — связана и рецензируемая книга. Характерной ее особенностью (как и подготавливаемого атласа) является то, что материалы группируются не по отдельным этническим общностям, а по историко-культурным областям, которые в определенных пределах нередко совпадают с административно-территориальными единицами. Такой метод заслуживает

самой положительной оценки, так как он позволяет охарактеризовать культуру всех этносов рассматриваемой историко-культурной области и проследить взаимовлияние их культур в зонах контактов между ними. Другой особенностью советских историко-этнографических атласов является строго историческое расположение фактических материалов. Они, как правило, рассматриваются на трех хронологических уровнях: середина XIX, конец XIX — начало XX в. и 1920—1930-е годы, когда в большинстве регионов нашей страны, в частности в Прибалтике, еще сохранились, хотя и в неодинаковой степени, специфические особенности традиционно-бытовой культуры разных народов.

В рецензируемой книге помещено 13 статей, подготовленных учеными Москвы, а также Эстонии, Латвии и Литвы. Несмотря на то что статьи посвящены различным явлениям материальной культуры, их объединяют общие методологические и методические установки, в первую очередь, стремление рассматривать традиционно-бытовую культуру народов Прибалтики в тесной связи с их этническим и социально-экономическим развитием. Все статьи связаны с двумя большими сферами материальной культуры: сельскохозяйственным производством, постройками и поселениями. Третий раздел атласа — «Одежда» — в книге, к сожалению, не нашел отражения. Впрочем, в задачу составителей не входило осветить все проблемы; их задача — ознакомить читателей главным образом с наименее изученными сторонами материальной культуры эстонцев, латышей и литовцев.

Книга открывается статьей Л. Н. Терентьевой «Из опыта работы по этнографическому картографированию» (стр. 3—10). В ней изложены принципы составления региональных историко-этнографических атласов, которые в конечном счете дадут возможность создать сводные атласы по народам СССР, а также по народам Восточной и Центральной Европы (последний атлас подготавливается совместно с учеными многих зарубежных стран). В статье Л. Н. Терентьевой кратко изложены методы историко-этнографического картографирования, рассказано о первых шагах в этом направлении в Прибалтике еще в период существования буржуазных республик и особенно после восстановления Советской власти в 1945 г. Автор упоминает (к сожалению, слишком кратко) о работе Комплексной прибалтийской экспедиции, организованной в 1952 г., а также о плодотворной деятельности многих прибалтийских исследователей, подготовивших в послевоенный период ряд специальных монографий по отдельным элементам материальной культуры. Справедливо отмечена большая роль в развитии этнографической науки Прибалтийских республик покойного академика Академии наук Эстонской ССР Х. А. Моора, одного из крупнейших археологов и этнографов нашей страны. Л. Н. Терентьева подчеркивает разнообразие источников, положенных в основу отдельных работ по атласу (полевые этнографические материалы авторов, музейные коллекции, архивные данные, в отдельных случаях также археологические и лингвистические материалы). Благоприятное впечатление производят многочисленные карты, рисунки, фотографии и иллюстрации, помещенные в сборнике; большинство из них являются авторскими оригиналами (стр. 9, 10).

Первые статьи сборника посвящены изучению и картографированию различных сторон земледельческой и животноводческой техники. Все они основаны на оригинальных полевых материалах авторов, изучении богатых этнографических коллекций в различных музеях Эстонии, Латвии и Литвы, а также на анализе археологических, историко-архивных, статистико-экономических, а частично и лингвистических данных. А. О. Вийрес в статье «Упряжные волы и лошади в Прибалтике» проследил способы использования волов и лошадей при сельскохозяйственных работах во всей Прибалтике на протяжении 600 лет — с XIII по XIX в. Хорошо аргументированным представляется вывод автора о том, что «при пахоте во всей Прибалтике на ранних этапах пользовались как волем, так и лошадью, причем первоначально преобладало применение вола, пока хомут, распространившийся примерно в середине I тысячелетия н. э., не дал возможности более широко применять для пахоты лошадей» (стр. 31). Большим достоинством статьи А. О. Вийреса является широкое привлечение сравнительных данных по соседним с Прибалтикой территориям (Приднепровью, Финляндии, Центральной Европе и т. д.), а также пристальное внимание к хозяйственно-культурному взаимодействию прибалтийско-финских и балтийских (летто-литовских) этносов как между собой, так и с соседними народами (в частности, с восточными и западными славянами). Работа А. О. Вийреса представляет большой интерес и для проблем историко-культурного районирования не только Прибалтики, но и Европы в целом.

Истории земледельческой техники эстонцев в конце XIX — начале XX в. посвящена статья Л. Х. Феоктистовой «Нововведения в земледельческой технике у эстонских крестьян», в которой рассматривается пока еще мало исследованный вопрос о нововведениях в сфере пахотных и разрыхляющих орудий в Эстонии, начиная с 60-х годов XIX в., когда барщинные формы помещичьего хозяйства постепенно сменялись капиталистическими. Автор применила оригинальный метод составления статистико-географических картограмм. На одной из них прослежено распространение в 1910 г. в Эстонии традиционных и фабричных пахотных орудий в крестьянских хозяйствах (стр. 39), на другой приведены аналогичные данные о разрыхляющих орудиях — различных типах борон (стр. 43). В заключение Л. Х. Феоктистова останавливается на роли эстонских земледельческих обществ в пропаганде новых агротехнических приемов и усовершенствованных орудий. Интересно упоминание о том, что один из наибо-

лее активных представителей демократического направления в «Эстонском пробуждении» К. Р. Якобсон был инициатором первого пахотного соревнования в 1874 г. для показа преимуществ отвального плуга по сравнению с сохой. В конце статьи Л. Х. Феоктистова справедливо отмечает, что «на практике воспользоваться новыми приемами агрокультуры и современной земледельческой техникой могли лишь зажиточные крестьяне» (стр. 47). К этой статье тематически и методически примыкают работы Э. К. Яагосильд «Уборка ржи в Эстонии» и Э. Х. Кару «Способы молотбы в Эстонии во второй половине XIX — начале XX в.». Обе статьи отличаются тщательностью обработки оригинальных полевых, архивных и литературных этнографических материалов. Статьи снабжены несколькими картами, из которых наибольший интерес представляют карты распространения орудий уборки ржи в середине XIX в. и на рубеже XIX — XX вв. (стр. 50 и 57), применения кичиги и цепа в различные периоды (стр. 67), типов эстонских цепов (стр. 71), приемов молотбы яровых (стр. 74). Эти карты позволяют проследить смену орудий уборки ржи и приемов молотбы в период развития капитализма в Эстонии. Картографический материал дополняется прекрасно выполненными рисунками и фотографиями.

Статьи И. А. Лейнасаре и А. И. Вишняускайте посвящены историко-этнографическому изучению льноводства, которое в Прибалтике получило наибольшее развитие во второй половине XIX — начале XX в. в связи с ростом капиталистических отношений и связанного с ними товарного производства: В царской России большую роль в производстве льна для мирового рынка играли западные губернии. Об этом говорится в статье И. А. Лейнасаре «Льноводство и льноводческие орудия в Латвии во второй половине XIX — начале XX в.». «В центре этого льноводческого района находился Рижский порт, через который в середине XIX в. вывозилась половина экспортируемого из России льна» (стр. 79). И. А. Лейнасаре приводит статистические данные о развитии льноводства в латышских районах и дает интересные карты распространения способов первичной обработки тресты (с замачиванием и без замачивания) (стр. 83), различных видов трепалок (стр. 85) и мялок (стр. 89). Карты сопровождаются рисунками и фотографиями, дающими наглядное представление о способах обработки льна и льноводческих орудиях латышей. Автор приходит к обоснованному выводу, что в развитии льноводства в Латвии намечаются два периода подъема: в первой половине XIX в., когда в обработку льна был внесен ряд новшеств, и в конце XIX в., когда начали использовать льнообрабатывающие машины (стр. 90). Статья А. И. Вишняускайте «Ручная мялка у литовцев», посвященная, казалось бы столь частному вопросу, представляет большой интерес для этнографов, особенно если учесть, что льноводство, играющее серьезную роль в хозяйстве многих народов, до настоящего времени почти не привлекало внимания этнографов. Автор дает карту типов и вариантов мялок в Литве в начале XX в. (стр. 97), сопровождающая ее многочисленными и высококачественными рисунками. Не вызывает сомнений конечный вывод автора: «Анализ конструкции литовских мялок позволяет нам с полной ясностью видеть, что они имеют много общих черт с льномялками соседних народов, что отчасти определяется простотой орудий такого типа, отчасти культурными взаимосвязями» (стр. 104). К сожалению, статьи И. А. Лейнасаре и А. И. Вишняускайте написаны в несколько разных ключах и не согласованы друг с другом, что затрудняет непосредственное сравнение приемов и орудий льноводства у двух соседних и близкородственных по происхождению и дальнейшей этнокультурной истории народов — латышей и литовцев.

Две следующие статьи являются как бы переходными от земледельческих сюжетов к изучению различных построек, связанных с животноводством. Л. А. Думпе в статье «Животноводческие постройки на западе и юге Латвии» делит крестьянские животноводческие постройки латышей по планировке на два основных типа: линейный и многоугольный, в пределах которого выделяется несколько подтипов — полностью замкнутый скотный двор и несколько разновидностей незамкнутого двора (в частности, Г-образные и П-образные).

Распространение этих типов построек на западе и юге Латвии в 1840—1860 гг. представлено на специальных картах (стр. 113, 114, 116). Автор подчеркивает, что «на всей территории распространения животноводческих построек сложного многоугольного плана в бедняцких дворах преобладали маленькие линейные хлева. Сложные постройки в форме четырех- или многоугольника, естественно, ставились только в хозяйствах, где было значительное количество скота» (стр. 117). Все же только социально-экономическими факторами объяснить район распространения многоугольных дворов трудно. Очень интересно, что такие дворы распространены лишь на территории расселения в прошлом западных, но не восточных балтийских племен. Северная граница распространения многоугольных построек «почти полностью совпадает с южной границей древнего расселения ливов, на территории которых скотные дворы такого плана не отмечены» (стр. 124). Л. А. Думпе с полным основанием ставит вопрос о вероятной роли этнических традиций (возможно, очень древних) в формировании этих историко-территориальных особенностей животноводческих построек.

Для Литвы во многом аналогичный материал представлен в статье Р. В. Меркене «Развитие планировки помещений для скота в период капитализма (1861—1940 гг.)». В этой статье большой научный интерес представляет карта распространения различных типов хлевов на территории современной Литовской ССР в 30—40-х годах XIX в.

(стр. 141), а также тщательно выполненные рисунки и планы различных типов жилищно-водоческих построек литовцев (стр. 133, 136, 138, 143, 144). Как и Л. А. Думпе, Р. В. Меркене приходит к выводу о том, что изменения в помещениях для скота в конце XIX — XX в. «с одной стороны, отражали развитие локальных этнографических особенностей, с другой — процесс приспособления хлева к новым потребностям капиталистического способа производства» (стр. 146). Заключительные статьи книги посвящены изучению и картографированию типов и форм крестьянских поселений преимущественно на материалах XIX — начала XX в. Г. Х. Троска и Н. В. Шлыгина в статье «О формах эстонских деревень» рассматривают общие вопросы типологии, особенно выделяя так называемые рассеянные деревни; убедительно показано на основании архивных, в том числе картографических данных, что деревни этого рода существовали у эстонцев уже в средние века. Авторы пришли к выводу, что те рассеянные поселения, которые были связаны единым пахотным массивом, представляли собой действительно особую форму деревни, а не группу однодворок. Вторая статья этих авторов «О бобыльских поселениях в Эстонии» рассматривает их развитие в конце XIX в. в связи с ростом социальной дифференциации сельского населения и ростом прослойки безземельного крестьянства. В статье помещена оригинальная карта распространения бобыльских деревень в Эстонии в конце XIX в. (стр. 179). Большую научную ценность представляет работа Г. Х. Троска «О картографировании поселений северной Эстонии». Данные топографической съемки начала XIX в. позволили автору составить несколько карт, дающих наглядное представление о плотности распространения дворов и деревень (стр. 164, 166), о распределении дворов по группам деревень различных размеров (стр. 168), о распространении одиночных дворов по волостям (в %) (стр. 169), о географическом распространении разных форм деревень — кучевых, круговых, рядовых, цепочечных, рассеянных и уличных (стр. 171). Г. Х. Троска указывает на связь форм деревень Эстонии не только с уровнем социально-экономического развития, но и с природной средой — почвами, рельефом местности, водным режимом и т. п. (стр. 172).

Статья Л. Н. Терентьевой «О формах крестьянского расселения и землепользования Западной и Южной Латвии в XIX — начале XX в.» (стр. 183—234) — самая большая в рецензируемой книге — представляет собою непосредственное продолжение многолетних исследовательских работ автора по сельским поселениям Латвии в целом. «Учитывая специфику исторического и социально-экономического развития Латвии — ранний распад сельской (соседской) общины как целостного социального института с его правовыми нормами, самоуправлением, хозяйственной и идеологической общностью ее членов», автор видит свою задачу в определении степени сохранности общинных черт в формах крестьянского землепользования и расселения (стр. 184). На базе богатых архивных, литературных и собственных полевых материалов автору удалось показать многообразный процесс развития форм крестьянского землепользования и расселения и степень его зависимости от таких факторов, как тип хозяйства, формы семьи, формы наследования, этнический и социальный состав населения и т. д.

Проанализированные автором материалы убедительно доказывают несостоятельность взглядов об исконности расселения крестьян Курземе и Земгале хуторами и об отсутствии у них коллективных форм землепользования. Совершенно правильна критика Л. Н. Терентьевой буржуазных концепций об определяющем значении этнического фактора в формировании типов поселений. Статья Л. Н. Терентьевой оснащена многочисленными картами и картограммами, статистическими таблицами, планами различных поселений с прилегающими к ним земельными угодьями. В конце статьи помещена составленная автором итоговая сводная схема распространения деревень и разных форм землепользования в волостях Курляндской губернии на 1870 г. (стр. 230). Весьма важны выводы о распаде многодворных поселений и о переходе к дисперсному хуторскому типу расселения. «Проанализированный в статье материал характеризует еще одно типичное для капитализма явление: он отражает в типах поселений и формах землепользования резкую социальную дифференциацию крестьян» (стр. 233). Работа Л. Н. Терентьевой удачно завершает рецензируемую книгу, которая заслуживает высокой оценки и будет полезна для обмена опытом с другими коллективами, работающими над составлением региональных историко-этнографических атласов.

Н. Н. Чебоксаров

Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки. М., 1976, 255 стр., илл.

Монография Е. Е. Неразик — результат многолетнего планомерного исследования жилищ и поселений Хорезма — одного из древнейших очагов среднеазиатской цивилизации и интереснейших археолого-этнографических регионов, культура которого до сих пор отличается большим своеобразием. Хорезм едва ли не самая изученная в археологическом отношении область Средней Азии. Сейчас, после выхода в свет фундаментальной работы Е. Е. Неразик, сказанное в полной мере относится и к хорезмским жилищам и поселениям.